

КРАСУХИН К. Г.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО
АКТИВНОГО И СРЕДНЕГО ЗАЛОГА

В древнеиндийской грамматической традиции со времен Панини (IV—III в. до н. э.) глагольный залог рассматривался как противопоставление действия, направленного не на его субъект (*parasmaipada*, дословно «другому-шаг»), и действия, направленного на субъект (*atmanepada* — «себе-шаг»). Именно в таком ракурсе определяет глагольную диатезу современное сравнительно-историческое языкознание. Ср. такие пары, как греч. *λοβει* «моет», *λοβεται* «моется», весьма распространенное в надгробных надписях *ἐποικήσατο* «сделал себе» (имеется в виду гробница), др.-инд. *yajati* «приносит жертву», *yajate* «приносит в жертву» [первый глагол относится к жрецу (лицу незаинтересованному), второй — к заинтересованному лицу (аналогично греч. *ἕβει* — *ἕβεται* [1, с. 270)]].

В традиционной науке сложилось мнение, в соответствии с которым медий — производная от актива категория, обозначающая самонаправленность действия [2, с. 305; 3, с. 151; 4; 5, с. 270; 6, с. 202]. Особую сложность представляет вопрос о происхождении медия. В последние 50 лет появилась новая точка зрения на этот вопрос, связанная с исследованиями Х. Педерсена, Е. Куриловича, Хр. Станга. Эти ученые установили наиболее древнюю и.-е. оппозицию «категория действия» — «категория состояния». К первой категории восходит ведийский инфинитив (затем — аорист и презенс), а ко второй — перфект. Медиальный залог был объяснен как результат воздействия перфекта на презентно-аористную категорию. Такая реконструкция основана на близости личных окончаний медия и перфекта. Усилия исследователей были направлены также на то, чтобы вскрыть процесс преобразования перфекта в медий. Хр. Станг предположил существование двух диатез — презентно-аористной и перфектной, каждая из которых могла иметь настоящее время [7]. На основе презентно-перфектной диатезы в конечном счете и сформировался медий. Включение медия в систему глагола зашло так далеко, что в древнегреческом и санскрите образовалась новая категория — медиальный перфект. Следы архаической перфектной диатезы Станг видел в вед. *śáye* = греч. *κείται* в претерите типа вед. *aduha* (флексия *-a* отражает форму и.-е. 3-го л. ед. ч. перфекта **-e*), а также в спряжении на *-hi* в хеттском. В дальнейшем эта мысль получила развитие. Я. Сафаревич указывал на категорию, непосредственно отражающую и.-е. перфект-презенс, — латинский перфект [8]. Развитие перфекта-презенса и аориста-презенса шло следующим образом: в обеих сериях к окончанию мог присоединиться элемент *-i*. Свидетельство того, что форма латинского 3-го л. перфекта могла отражать и.-е. **ei*, можно найти в др.-лат. *fuveid*, *adieid*. Элемент *-i* не имел вначале ни презентного, ни перфектного значения, но, возникнув в перфекте, он перешел на презенс и породил медиальные окончания типа греч. *-μαι*, *-σαι*, *-ται*, *-υται*, др.-инд. *-e*, *-se*, *-te*, *-nte* (*-a* — показав-

тель перфекта). Воздействие флексий *-ha*, *-tha* на *-m*, *-s*, *-t* привело к формам *-ma*, *-sa*, *-ta*.

Е. Курилович, К. Уоткинс также выводят медий из перфекта. Однако Е. Курилович полагает [9, гл. 1], что меднопассив — это непосредственное продолжение перфекта в презенсе, причем пассивная семантика по отношению к медиальной является первичной, т. к. категория состояния должна была сначала привести к пассивной семантике. Но эта точка зрения не находит поддержки у других исследователей. Так, Э. Ной решительно высказался в пользу первичности меди, который, с его точки зрения, есть нечто среднее между активом и перфектом [10, с. 250—251]. Процесс образования среднего залога Э. Ной реконструирует в общем так же, как Хр. Стагг и Я. Сафаревич. К. Уоткинс вслед за Е. Куриловичем сконцентрировал внимание на окончании 3-го л. перфекта **-e*. Это окончание, являясь по сути нулевым, породило перфект, медий и тематическое спряжение [11, с. 111]. Весьма решительно высказался в пользу связи меди с перфектом А. Н. Савченко: по его мнению, первичное значение меди — состояние, значение же действия, направленного на субъект, — вторично. Эта точка зрения подкреплена анализом семантики некоторых гомеровских и ведийских глаголов (типа греч. *véōw* — *véōmai* [12]), где медиальный залог обозначает непереходное действие, а активный — переходное, каузативное. Но оппозиция и.-е. актива и меди не может быть сведена только к переходности/непереходности. Поэтому возникает необходимость подробно остановиться на ее семантическом наполнении.

Э. Швицер, рассматривая глагольную диатезу в греческом, устанавливает следующие семантические оттенки в употреблении меди: 1) непереходность при переходном активе: *véōw* «делиться» — *véōmai* «жить, обитать»; *κλίω*; *κλίωμαι* — «гнуть» — *κλίωμαι* «прислоняться» (значение, близкое к рефлексиву); актив может выступать в качестве каузатива к медию: *καίω* «прекращать» — *καίωμαι* «переставать»; 2) медий в значении аттаперада (некоторые примеры см. выше; к этой же категории относится и средний залог с посессивным значением: *ἵκτους δ'ἔσειγγυοντο* «они запрягали своих лошадей»); 3) медий с итеративно-усилительным значением (ср. русск. *прожизиваться*): *πολιτεύομαι* «быть деятельным, активным гражданином»; 4) в оппозиции *νήλω* — *νήλωμαι* Швицер видит различие в охвате субъектом среды (сферы) действия: *νήλω* «плавать» вообще, *νήλωμαι* — речь идет о водных животных; 5) взаимный (реципрокальный) медий: *ἐρίζομαι*, *πικτέομαι*; 6) диатега, зависящая от префикса: *ἔπομαι* — *μετά-στω*; 7) в некоторых случаях, по мнению Швицера, медий является первичным по отношению к активу: *ἵσταμαι* — *ἵσταναι*, *ἄλλομαι* — *ἄλλομαι*. Непрезентные времена у этих форм меди действительно первичны по отношению к активу: *ἔστην* — *ἔστησα*, *ἔδωκα* — *ἔδωκην*; 8) наконец, медий может не иметь существенных отличий от актива: *οἶω* — *οἶομαι*, *ἔφη* — *ἔφατο*. Ряд непереходных глаголов со значением передвижения и изменения положения составляет немногочисленную группу *activa tantum*: *εἶμι*, *βαίω* «идти». Другие глаголы подобного рода, но без активного оттенка, являются *media tantum*: *κείμαι* «лежать», *ἴμαι* «сидеть»; ср. также активный по значению, но медиальный по форме *ἄλλομαι*. К *media tantum* относятся также некоторые *verba affectuum* [13; 11, с. 250]. Отношения между *activum* и *medium* могут быть самыми разнообразными. Иногда эта оппозиция получает лексический характер (*σβέννυμι* «гасить», *σβέννυμαι* «гаснуть»). Данные соотношения подробно рассмотрены с позиций функциональной грамматики И. А. Перельмутером [6, с. 171].

Классификация Ж. Одри во многом совпадает с классификацией Э. Швицера. Для и.-е. медиопассива исследователь устанавливает пять медиальных значений [усилительное, посессивное, рефлексивное, взаимное, просессивное (термин В. И. Георгиева)] и одно пассивное [14, с. 71]. Здесь уместно вспомнить замечание А. Ф. Лосева о том, что никакая классификация значений грамматической формы в языке не может охватить всех особенностей ее употребления в текстах. Обращаясь к категории залого, исследователь находит здесь случаи, классификации не поддающиеся: *λυθήναι* «я скрыт», *θαύμαστον* «удивляюсь чему-либо» (по смыслу здесь, казалось бы, должен быть медиопассив). А. Ф. Лосев ставит задачу — найти такую общую функцию для грамматической категории, которая могла бы развернуться в бесконечное множество значений [15, с. 183]. Подобные задачи, как известно, успешно решает фонология, имеющая дело, с одной стороны, с бесконечной вариантностью звуков в потоке речи, а с другой стороны — с инвариантностью фонемы, заданной пучком дифференциальных признаков (ДП). Представляется, что в исследовании глагольной диатезы эту задачу успешно решил А. Эрхарт. Для характеристики глагольного действия ученый избрал три ДП: прогрессивность (действие исходит от субъекта), регрессивность (воздействие на субъект) и трансгрессивность (переходность). В классификации Эрхарта наиболее полным пучком ДП обладает просессивный медиопассив, который может терять отдельные ДП, развиваясь в рефлексивный медиопассив и стив. Стив может быть выражен с помощью активных или рефлексивных показателей, ср. русск. *смеяться* — нем. *lachen*. Пассив может утрачивать регрессивную семантику и превращаться в стив, ср. чеш. *dopis je psan* «письмо пишется», но *dopis je napsan* «письмо написано» [16]. Объем статьи не позволяет подробно остановиться на концепции А. Эрхарта. Отметим только, что разработанная им идеальная модель глагольной диатезы и ее преломление в и.-е. языках позволяет наиболее адекватно описать эту грамматическую категорию¹.

Однако в диахроническом исследовании было бы методологической ошибкой исходить только из семантики грамматической формы, объяснив одно из значений первичным, тем более, когда речь идет о таком сложном явлении, как и.-е. медиопассив. Задачей исследователя является анализ и реконструкция грамматической формы, на основании которых и можно судить о развитии значения.

В настоящее время можно считать общепринятым, что окончания и.-е. глагола в конечном счете восходят к двум рядам: *-m, -s, -t* (прототип презенса-аориста) и *-he, -thel-e* (*-e* — прототип перфекта; последнее окончание представляет собой тематическую гласную, т. е. является нулевым). По мнению многих исследователей, окончание *-a*, воспринимаемое как показатель перфективной диатезы, легло в основу медиальных окончаний *-/m/ai, -sai, -tai*, к которым восходят санскр. *-e, -se, -te*, греч. *-αι, -αι, -ται*². Однако флексия в санскрите может восходить также к прототипу *-toi* (вариант с *-o* зафиксирован в ахейских (аркадском и кипрском) диалектах греческого, а также в близкородственном им крито-микенском (*e-u-ke-to* = арк. ΕΥΗΕΤΟΙ)). По-

¹ Пользуюсь случаем выразить проф. А. Эрхарту сердечную признательность за присланный отклик его статьи.

² Э. Ной [10, с. 250—252] полагает, что более архаичный перфект имел флексии **-ho, *-tho, *-o*; вариант с *-a* был использован в более новом презентном перфекте. По мнению Ноя, медиопассив претерита восходит к неперзентному перфекту, медиопассива — к презентному, что в свете крито-микенских данных вряд ли верно.

сколько крито-микенский является наиболее древним из всех греческих диалектов, флексию *-toi* следует считать первичной [17, с. 351], постулируя ее и для индо-иранских языков. Тем самым «первичные» (презентные) окончания медиа в греко-арийском ареале оказываются тесно связанными с «вторичными» (*-so, -to*). В графическом изображении структура форм 3-го л. ед. ч. в указанных языках может быть представлена так: *-t — -ti — -to — -toi* (*-o* указывает на медиальность, *-i* — на презентность). Формы же *-sai, -tai* — более позднего происхождения.

Еще в начале XX в. Г. Хирт [18, с. 56] обратил внимание на то, что аблаут *-s/-so, -t/-to* вызван смещением акцента, о чем неопровержимо свидетельствует германская форма 3-го л. ед. ч. медиопассива типа гот. *habada*, восстанавливаемая для прагерманского по закону Вернера как **carēþ*. В ведийском медиальном презенсе ударение стоит также на окончании: *dādhāti — dadhaté, bódhāti — budhṛté*. Простое объяснение получает корневой аблаут в греческих и санскритских глаголах: санскр. *adātī/adāta, adhātī/ahita*, греч. *ἔδω-κα — ἔδωτο, ἔδθη-κα — ἔδθητο* с имбибилизацией ударения в греческом. В ведийском ударение стояло на слоге полной ступени. Оппозицию активного *-t* и медиального *-to* можно наблюдать в большинстве и.-е. языков; так, в хеттском форма 3-го л. ед. ч. медиопассива имеет флексию *-ta* (с факультативным наращением *-ri*), форма же 3-го л. ед. ч. активного претерита имеет форму *-i*. Сходная оппозиция существует и во фригийском (*-t — -tor*)³.

Весьма убедительная идея связи окончаний 3-го л. активного и среднего залога не нашла поддержки у многих ученых. По мнению К. Уоткинса формы 3-го л. ед. ч., будучи безусловно именными и первичными для глагольного спряжения, возникли в результате переразложения суффикса-детерминатива *-t* и нулевого окончания. В качестве примера К. Уоткинс приводит корень **nek^h-t-θ > nek^h-t* [14, с. 50]. Действительно, для нулевого окончания 3-го л. ед. ч. существуют широкие типологические параллели; в и.-е. оно засвидетельствовано в перфектной серии [4, с. 80]. Окончание греческих тематических глаголов *-ε-ι* состоит из собственно тематической гласной и особого показателя *-ι*⁴. Суффикс (точнее, детерминатив) *-t* К. Уоткинс находит в лат. *sacerdos*, др.-сакс. *dot*, др.-в.-нем. *īdt*. Однако здесь необходимо сделать небольшое уточнение: у нас нет уверенности в том, что в латинском *-dot-* отражен архетип **dhōt*, а не **dhōti*. В архаической латыни представлена форма род. п. мн. ч. *sacerdoti-um*. Суф. *-ti* в латинском языке продуктивен, когда имеет приращение *-on*; в чистом виде он встречается редко в архаических образованиях типа *fors, fortis* (ср. др.-инд. *bhṛtis*). Более надежным является пример типа вед. *yakṣ-t* «лечень». Переразложение основы превратило суф. *-t* в окончание⁵.

Медиальное же окончание, по Уоткинсу, возникло из скрещения окончания актива *-t* с медиальным окончанием *-o*. Здесь К. Уоткинс следует за Е. Куриловичем, который полагал [9, с. 60, 64; 22], что медио-

³ К. Х. Шмидт [19, с. 266] считает, что указанные окончания, а также др.-в.-л. *-thir*, итал. *-tur* восходят к архетипу **-tro*. Представляется, однако, что это может быть верным в отношении тохарского, но не фригийского, который не знал подобных метате. Вероятно, окончание медиа сформировалось из суф. *-to + -ro*. Таким образом, *-to* и *-ro* соотносятся по принципу подвижного аблаута (Schwebelablaut).

⁴ Иначе у В. И. Георгиева [20, с. 7—10], где греческий признается исконным.

⁵ Ср. [21, с. 273], где аффикс *-t* назван «маркером инактивного класса», т. к. он присутствует в гетероклассической парадигме; однако эта же парадигма оказывается связанной с суф. *-nt*, маркирующим активный класс! Ввиду такой противоречивости лучше признать за суф. *-t* значение простого детерминатива.

пассив, образовавшийся из перфекта, изменил как семантику его, так и окончания; воздействие перфекта на презенс в семантическом плане привело к возникновению пассива, который маркировался окончанием -o. С точки зрения Куриловича, и.е. -o, являясь производным от -e, маркирует производные имена. Синхронически расчленение -to на -t + o вполне обосновано, но в диахроническом плане сомнительно: если -o — древнейшее окончание меди, то -t скорее всего присоединилось бы к нему, а не стояло бы впереди него, т.е. мы имели бы окончание *-ot. Именно такую форму находим в ведийском претеритальном медиопассиве *ādaha* (наряду с *adaha*). Поэтому гипотеза Г. Хирта представляется более правдоподобной, тем более, что она подтверждается и ведийскими данными.

Однако почти никто не попытался объяснить морфологическую природу передвижения акцента, в то время как объяснение самого Г. Хирта — малубедительно: по его мнению, перенос акцента на начало слова произошел благодаря присоединению к глаголу префиксов, что мотивируется префиксальным способом образования глагольных видов в германском, балтийском и славянском; виды же могли войти во временную систему (так, презенс совершенного вида в современных славянских языках развился в футурум, перфективные образования с префиксом *ge-* в немецком превратились в претерит [18, с. 67]). Однако залоговая оппозиция не выражалась с помощью префиксов. Мало что дает и сопоставление с кельтской коррелицией абсолютного и связанного спряжения: она отражает чередование -t/-ti, не имеющее отношения к фонетической редукции безударного гласного.

Представляется целесообразным сопоставить передвижение акцента в меди с противопоставлением некоторых баритонных и окситонных имен типа *τόμος* — *τομός* в греческом. Здесь баритональные формы обозначают абстрактные понятия, а окситонные — конкретные: *τόμος* «разрез, том», *τομός* «нож для разрезания» («режущий»), ср. др.-инд. *sōda* «толчок» — *sodī* «подстрекатель» («толкающий»). Как указывает А. Мейе, данный способ маркировки имен весьма архаичен. Указанный способ лежит в основе распределения ряда именных суффиксов на показатели имен деятеля и действия. Так, в греческом к имени деятеля относятся суф. -τήρ и -τωρ (*αροστήρ*, *γευέτωρ*), -τήν, μών (*ἡγεμών*, *ποιήτήν*) к именам же действия — -τρο (*ἑλετρον* «ложка»), -μα (*ποίημα*, *πλήρωμα*). Полная ступень суффикса в *nomina agentis* и нулевая в *nomina actiones* наглядно демонстрируют их распределение на баритональные и окситонные. Естественно, имя деятеля и имя действия по семантике противопоставят друг другу как конкретное абстрактному. Ударение на корне или аффикс здесь играют ту же роль, что и в типе *τόμος* — *τομός*. В санскрите сходным образом противопоставят абстрактные имена на -āna и отглагольные прилагательные на -na (с пассивным значением): *chédāna* «резание» — *chinnās* «разрезанный»; в первом слове присутствует полная ступень корня (-oi), во втором — нулевая (ср. лат. *scissus*, греч. *σιστός*). Р. Бирве считает, что санскритские имена на -āna репрезентируют отглагольный и.е. суф. *-nno. Это никак не влияет на нашу концепцию, т.к. суффикс имени деятеля -tan в древнеиндийском засвидетельствован [23, с. 61]. Аналогично соотносятся в греческом именной суффикс -τός и суффикс отглагольного прилагательного со значением долженствования -τέρος. Правда, имена на -τός являются окситонными; но нулевая ступень суффикса и полная ступень корня (там, где полная ступень представлена в презенсе) свидетельствуют о том, что в период раннеиндоевропейского

(аблаутного) ударения [22, с. 194] суффикс у этих имен не был ударным. Перейдем к баритонным *poimna agentis* на *-tor*. Э. Бенвенист, подробно исследовавший существовавшие в греческом и индо-иранском имена типа *datar* и *datar*, установил, в частности, что в ведическом баритонное имя обозначает творца действия, а окситонное — деятеля (*l'agent voué à une fonction*). Окситонные имена часто употребляются в качестве постоянных эпитетов. Аналогично распределение баритональных и окситональных форм в Авесте; в греческом *datōr* в контексте может быть переведен как «даритель» (*datōr édon* «даритель благ»), *dotōr* в гом. *στότοιο dotōres* «интендант», т. е. тот, кто обязан совершить действие. Из этого Э. Бенвенист делает вывод, что баритональные имена обозначали абстрактное имя, а окситонные — конкретное. Таким образом, после формирования системы имен деятеля с полной ступенью суффикса произошло их вторичное разделение на абстрактные и конкретные. Такая оппозиция могла возникнуть благодаря передвижению акцента в абстрактных именах с суффикса на корень. Аналогичным образом можно объяснить окситонность имен на *-tōs*. По классификации Э. Бенвениста, и. -е. имена на **-ti-* являются абстрактными, а имена на *-tu-* — конкретными. Передвижение акцента на суффикс *-tōs* подчеркивало эту оппозицию [24, с. 37, 45].

Следует отметить, что различие в вокализме суффиксов *-tōr* и *-tor* также объясняется передвижением ударения. К. Бругман и Г. Хирт указывали, что *e* переходит в *o* в безударном положении; ср.: *φῆνυ — ἄφρον*, *κατήρ — εὐκάτωρ* [25, с. 562; 26]. В. Магач вывел следующую закономерность: *e > o* в безударном положении между смычным и сонорным. Этот качественный аблаут происходил после становления количественного [27]. Следовательно, передвижение акцента, разделявшее конкретную и абстрактную семантику, было в и. -е. языковом состоянии весьма продуктивным грамматическим способом. Это относится к самым различным периодам существования и. -е.: когда смещение ударения меняло количество гласного, далее — когда менялся тембр гласного, и — как реликт — когда ударение перестало быть апофоническим.

Апофонические чередования сыграли также существенную роль в становлении и. -е. падежной системы. Здесь флексии основных падежей относятся друг к другу как нуль и полная ступень: им. п. *-s*, *genetivus subiectivus* — *-os*, вин. п. — *-m*, *genetivus obiectivus* — *-om*, локатив — *-i*, датив — *-oi*. Анализ падежной семантики показывает, что падежи с нулевой и полной ступенями формантов соотносятся друг с другом соответственно как независимые и зависимые. Так, номинатив — это падеж подлежащего или именного сказуемого, самый независимый член предложения; аккузатив в своей собственной (т. е. не зависящей от управляющего глагола) функции обозначает предел действия. Субъектный и объектный родительный падежи маркируют соответственно периферийные субъект и объект [28]. Локатив указывает на сферу протекания действия, но сам независим от действия; датив же — это падеж косвенного дополнения или лица, претерпевающего воздействие, т. е. он зависит от действия [32]. Таким образом, в падежной системе передвижение акцента на конец словоформы указывало на ее подчиненное положение в предложении.

Общая семантика подчиненности — производности по-разному реализуется в каждом конкретном случае. В рамках глагольных имен она трансформируется в оппозицию абстрактности — конкретности, частным проявлением которой является оппозиция активных и медиальных

глагольных форм. Смысл передвижения ударения на аффикс в медию был четко выражен в работе А. Эрхарта, который указал, что «средством ударения местоименный субъект выделялся как цель действия» [16, с. 47]. Форма с акцентом на основе (**bhère-to*) обозначала абстрактное действие, с ударением на аффиксе (**bhere-tó*) — конкретное. Последующая редукция безударного гласного способствовала появлению оппозиции *t/to*.

В рамках глагольной семантики это различие реализуется как оппозиция действия, в котором субъект не заинтересован (центробежное), и действия, направленного на субъект (центростремительное). Следовательно, семантика *atšaperada* может считаться для медию арханчной и исконной, а не возникшей под действием других глагольных категорий. Совершенно прав Я. Сафаревич, отмечая, что «актив обращен на объект, медию обращен на субъект» [8, с. 76]. Дальнейшее развитие семантики медию можно представить так: субъективное (центростремительное) действие → продленное действие (греч. *péto* «летать» в сравнении с *píto* «падать») → состояние (*véto* — *vétorai*) → пассив.

Следует заметить, что именной суффикс *-to* имеет сходную семантику с аналогичным глагольным окончанием: он служит для образования медиопассивных отглагольных прилагательных, ср.: санскр. *vittah/viditah*, лат. *visus/умбрск. vifitu*, греч. *ἵστός*. Однако пассивное значение данного суффикса, по-видимому, не является первичным⁶. Ж. Одри вообще полагал, что данный суффикс был первоначально посессивным и это находит отражение в лат. *anima-tus, barba-tus*, литов. *duobé-tas* (*duóbé* «дыра»). В рамках глагола этот суффикс сформировал сначала посессивный медию, затем всю систему медию и соответствующих причастий [14, с. 59]. Первоначально он мог обозначать просто абстрактность действия: в арханческой латыни была распространена конструкция *facto opus* (или *usus*) *est* (зафиксирована у Плавта 60 раз). Иногда аккузатив этого отглагольного прилагательного мог конкурировать и с инфинитивом в выражении типа *ductum (servatum) volo — dicere (servare) volo*. К таким конструкциям близки выражения типа *ante solum occasum, ab urbe condita*. В последних примерах уже налицо пассивная семантика, но в целом, как указал Э. Бернерт, можно сказать, что перфектно-стативная семантика переходит в данном случае в пассивную; в выражении же типа лат. *factum habeo* (прототип романского аналитического перфекта) вообще трудно определить точную семантику причастия [31].

Весьма существенно также наблюдение Э. Бернерта над семантикой глаголов, управляющих аккузативом отглагольного прилагательного. В большинстве случаев это глаголы должностования, желания, созидания (не следует, конечно, забывать о влиянии сушина, который употреблялся при глаголах движения). В общем можно говорить о тенденции развития семантики субъективности у причастий на *-to* в латинском. При этом субъективная семантика переходит в перфективную и стативную, а затем — в пассивную. В других и.-е. языках отглагольные прилагательные на *-to* в общем имеют аналогичную семантику. В греческом они обозначают статив или пассив, в древнеиндийском они пассивны у переходных глаголов и активны у непереходных, в германских языках преобладает перфектное значение. По-видимому, германский слабый претерит (гот. *habaida*, рун. *jahido* «парисовал», др.-исл. *kallado* «звал»,

⁶ Как установил М. М. Покровский, имена, в том числе и отглагольные, были индифферентны к залоговой диатезе (*голодный год — голодный человек*) [30].

нем. *machte*, англ. *made*) происходит от этой категории ⁷. Формирование его склонения можно сравнить с польским претеритом (*miałem, miales* — формы с личными показателями от исконого причастия *miał*) и с португальским семинфинитивом (2-е л. ед. ч. *jalares* от инфинитива *jalara*). Заметим, что и глагольное окончание *-to* иногда приобретает значение претерита, ср. в хеттском 3-е л. ед. ч. *daišta* наряду с простым *daiš*. Засвидетельствованные же в лувийских (клинописных и иероглифических) и палайских текстах формы 3-го л. ед. ч. претерита маркируются только окончанием *-ia*. Таким образом, именной суффикс и формы 3-го л. ед. ч. обнаруживают параллелизм в происхождении и семантике, что подтверждает неоднократно высказывавшееся мнение об общем происхождении имени и глагола.

Переходя от рассмотрения формы к значению, мы можем сказать: суф. *-to*, маркировавший 3-е л. ед. ч., придавал форме агентивность, смещение на него акцента — рефлексивность, наличие дополнительного объекта — переходность. Достаточно абстрактная семантика конкретности и самонаправленности действия в зависимости от контекста могла реализоваться в рамках классификации Э. Швица и Ж. Одри: речь идет о возникновении значений посессивности, усилительности, взаимности. Самонаправленное действие могло преобразоваться в статив, интранзитив и пассив. А. Эрхарт исходит главным образом из того, что первичные формы с положительными ДП их постепенно утрачивают. Поэтому он считает, что пассив древнее статива. Однако вместе с тем Эрхарт указывает, что пассив с ауториальным падежом является более поздним, чем простой пассив. Промежуточной категорией между рефлексивом и стативом было длительное действие (*πέτομαι* «лечу», *πίπτω* «падаю»). Видимо, значение прогрессивности и регрессивности при сосуществовании могли взаимно ослабить друг друга: новая категория обозначала как статив, так и пассив.

Медиальное и пассивное значения могли быть выражены не только с помощью окончания *-to*, но и аналитическим способом. Здесь следует отметить прежде всего сочетание медиальных и пассивных причастий с глаголом-связкой «быть, становиться», а также возвратные формы глагола. Оба этих способа широко распространены в и.-е. языках. Развитие их семантики в общем сходно с синтетической формой. Сочетание причастия с глаголом-связкой обозначает статив и пассив, практически не имея рефлексивного значения. Возвратные же формы в греческом были сугубо рефлексивны, конкурируя с классическим медиум [13, с. 43]. В балтийских языках они обозначали рефлексив и интранзитив (без пассивного значения): литов. *praustis* «умываться» — *keltis* «вставать»; в славянском рефлексивные глаголы аналогичны древним медиальным формам в плане семантики. Так, независимо от того, что в следующих русских примерах всюду представлена возвратная частица *-ся*, они могут выражать рефлексивность (*мыться*), итеративность (*прохаживаться*), стативность (*держаться*), пассивность (*строятся*). В скандинавских же языках рефлексивные формы употребляются преимущественно в

⁷ Этот вопрос достаточно сложен: так, Г. Хирт [32, с. 285—287] считает, что в основе этого суффикса лежит вспомогательный глагол **dhe*; с точки зрения Б. А. Серебряникова [33] более правдоподобно все же первое предположение, т. е. глагол **dhe* практически не засвидетельствован в значении вспомогательного; однако 3-е л. ед. ч. *-dedun* лучше всего объясняется именно благодаря имплицации глагола **dhe*. Иная точка зрения принадлежит В. Краузе [34]: 2-е л. ед. ч., распространившееся на все спряжение. Более подробно — см. обзор в [35].

значении пассива [16]. Наконец, в немецком языке «медальная» семантика выражается с помощью винительного или дательного падежей личных местоимений, т. е. чисто синтаксически. К. Бругман справедливо указал на наличие определенной факультативности в морфологических средствах медальной семантики. Итак, общее развитие семантики окситонной морфемы *-to* можно представить следующим образом: субъектность, самонаправленность → итеративность → перфективность → стативность → пассивность.

В целом как с формальной, так и с содержательной точки зрения форма 3-го л. ед. ч. медиа не требует воздействия перфекта, а находит простое объяснение в структуре «активных» окончаний. Однако нельзя отрицать того, что значение среднего залога во многом сблизились с перфективным. Взаимодействие между медиа и перфектом действительно существует. Активнее всего оно проявляется в 1-м л. ед. ч. в греческом и в санскрите: санскр. *-e*, греч. *-μαι* происходят от формы 1-го л. ед. ч. перфекта *-ha-i* (*-i* в греческом возникло по аналогии с 1-м л. ед. ч. актива *-μi*). Указанная морфема в санскрите формально подобна аналогичной перфектной: лат. *-i*(**-ai*), слав. *etъ* (**oidai*). Элемент *-i* первоначально не был связан с презенсом (что доказывает, в частности, лат. перфект). Я. Сафаревич определил его как «элемент с усилительным смыслом». Присоединяясь к окончаниям, этот формант придавал им не временное, а эмфатическое значение [8, с. 109]. Но медальные окончания языков греко-арийского ареала сформировались не столько под влиянием перфекта на *-i* (как полагал Сафаревич), сколько под влиянием активного презенса. Под воздействием флексий *-*mi*, *-*si*, *-*li* окончания **-mo*, **-so*, **-to* преобразовались в *-*ai/-*mai*, *-*sai/-*soi*, *-*tai/*toi*.

Данные языков греко-арийского ареала (подтвержденные фактами других и.-е. языков) свидетельствуют о том, что медальный залог и перфект связаны не общим происхождением, а скрещиванием. Отметим также некоторые характерные неточности сторонников гипотезы общего происхождения перфекта и медиа. Так, вряд ли можно согласиться с Хр. Стангом, постулировавшим наличие «перфектной диатезы» в презенсе [7, с. 32—35]. Есть все основания полагать, что перфект был совершенно индифферентен к временной оппозиции, чем и объясняется его функционирование в одних языках в качестве презенса (ср. германские претерито-презентные глаголы), а в других — в качестве претерита (латинский, хеттский, а также германский сильный претерит). Поэтому неудачными являются поиски материальных субститутов временной оппозиции в перфекте. Так, Я. Сафаревич считал перфект на *-i* возможным предшественником медального презенса [8, с. 48], Э. Ной реконструировал особый непрезентный перфект на *-o* [10, с. 250—251]. Главный же аргумент в пользу происхождения медиа из актива заключается в тесной связи их окончаний.

В одной из недавних статей И. А. Перельмутер вновь вернулся к вопросу о соотношении медиа и актива. Показав с позиций функциональной грамматики их глубокую взаимосвязь, исследователь выразил надежду, что детальная реконструкция флексии позволит обнаружить эту связь и на формальном уровне [36]. Представляется, что апофонический подход к морфологии позволяет решить эту задачу.

В системе форм 3-го л. ед. ч. удается выявить неаблаутное *-t* и аблаутное *-to*, находящиеся в дополнительном распределении по принципу абстрактности — конкретности действия. Эти окончания способны при-

нимать приращения, происходящие, по-видимому, из детерминативов. Так формируется широко распространенная флексия *-ti* и окончание императива 3-го л. ед. ч. *-tu* (в санскрите и хеттском). Такая структура глагольной флексии 3-го л. ед. ч. (*-i* с приращениями) находит аналог в именных суффиксах. Как уже отмечалось, именные суф. *-ti/-tu* четко противопоставлены друг другу по семантике: *-ti* маркирует объективное действие, в котором субъект не заинтересован, *-tu* — субъективное действие. Э. Бенвенист надежно обосновал этот вывод сопоставлением имен на *-ti* и *-tu* в индо-иранских языках, ср.: лат. *-tus, -tura* и *-ti(on)*, а также греч. *-σι/-τός*, где указанное различие носит лексический характер (βροσις у Гомера означает «пища вообще», βρωτός «пища, к которой стремится герой» [24, с. 50]). Следует заметить, что в ведическом герундии эта оппозиция отчасти нейтрализовалась: здесь используются суф. *-tūā* (твор. пад. имени на *-ti*), *-tūā* (твор. пад.) и *-tūi* (притяж. форма ж. р. имени на *-tu*). Семантика ведического герундия отличается разнообразием: он может выражать совместное действие, предшествование, причину [37]. Думается, что модальное значение герундий унаследовал от субъективного имени, немодальные — от объективного.

Материал, не привлеченный Э. Бенвенистом, также свидетельствует в пользу его концепции, ср.: славянский инфинитив на *-ти*, греч. прилагательное со значением долженствования на *-τέρο*; (оно отличается от существительного на *-τό*; как конкретное имя от абстрактного). В рамках глагольной семантики объектное действие преобразовалось в дуратив и индикатив, выражающие действие, которое не зависит от воли говорящего, а субъектное действие — в императив, передающий волю говорящего, стремление к действию. Поскольку формы императива 3-го л. характеризуются отсутствием непосредственного адресата волеизъявления, они могут выражать пожелания⁶; поэтому готский императив и опатив обслуживает один показатель. Структура 3-го л. ед. ч., таким образом, отличается четкостью и упорядоченностью: *-t* обозначает немаркированное действие, *-ti* — объективное действие, *-to* — самонаправленное действие, *-tu* — стремление к действию. Результатом дальнейшего развития являющиеся окончания *-toi* (греко-индо-иранский медий) и, может быть, *-tou* (если фриг. *-το*) восходит к такому архетипу). С. С. Мисра полагает, что *-toi* древнее, чем *-ti*, поскольку полная ступень архаичнее [38]. Но для древнейшего этапа и.-е. языкового состояния различие между активом и медием находилось, как мы стараемся показать, на суперсегментном уровне: безударной была флексия актива, а ударной — флексия медия.

Представленную модель следует охарактеризовать как основную тенденцию развития и.-е. флексии 3-го л. ед. ч. Полнее всего она реализовалась в древнеиндийском и хеттском; греческий и итальянский отличаются главным образом отсутствием флексии *-tu*, вместо которой представлена флексия *-tod* [греч. *-το*, лат. *-tō(d)*, умбр. *-tu*]. В германском существовало окончание индикатива **-ti* и императива **-tou*.

Дальше всего от санскрито-хеттской модели стоят кельтские и балтийские языки. В первых оппозиция *-t/-ti* не имеет отношения ко времени и связана с морфологической структурой глагола. В последних отсутствует

⁶ Как отмечал Е. Курплович, для использования императива в речи необходим непосредственный адресат, поэтому 2-е л. ед. ч. как включающее говорящего и слушающего является доминирующим и немаркированным членом подсистемы императив; оно может быть обозначено нулевым аффиксом 3-е л. императива выражает не столько приказ, сколько пожелание.

медальная флексия *-to*. Утрата этого окончания была связана с формированием рефлексива на *-si*. Окончание же на *-tu* и² в кельтском, ни в балтийском не развилось в императивное. В общем тенденция развития флексии 3-го л. ед. ч. путем присоединения к ней детерминативов и образования новых грамматических значений связана с членением и.-е. языковой общности: ярче всего эта тенденция проявляется в юго-восточных ареалах, менее всего — на северной (балтийской) и западной (кельтской) периферии. Если же представить в пространстве отдельные диалекты по мере развития указанной флексии, полученная схема в общем будет соответствовать данным и.-е. лингвистической географии.

К. Уоткинс считает первичной глагольной флексией нулевую, отраженную в 3-м л. ед. ч. перфекта. Эта праформа очень близка тематическому имени. Однако и особое окончание 3-го л. ед. ч. не разделяет, а объединяет имя и глагол. Видимо, в праи.-е. субъект и предикат различались главным образом благодаря семантике и отчасти — порядку слов, который в немаркированной ситуации выглядел как S(O)V [39], а в маркированной (например, в поэтическом тексте) VS [40]. Морфологическое различие сформировалось, когда к субъекту присоединились специальные окончания, превратившиеся затем в именные. К предикату же в 1-м и 2-м л. присоединились энклитические частицы местоименного словообразовательного и эмфатического характера. К этому времени стала складываться аспектно-модусная система глагола. Структуру имени и глагола можно, таким образом, описать так. Имя может состоять из корня, общего для имени и глагола, аффикса и флексии. Глагол может состоять из корня, собственно глагольного суффикса, аффикса, общего для имени и глагола, или же собственно глагольной флексии. В словообразовании имени и глагола есть и некоторые другие общие черты. Но это — тема особого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семереньи О. Введение в сравнительное языковедение. М., 1980. С. 270.
2. Мейе А. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М., 1938.
3. Шантрен П. Историческая морфология древнегреческого языка. М., 1955.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
5. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
6. Перельмутер И. А. Общеславянский и греческий глагол. Л., 1977.
7. Stang Ch. Perfektum und Medium // NTS. 1932. Bd. VI.
8. Sajarewicz J. Studia jazykoznawcze. Warszawa, 1967.
9. Kurylowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
10. Neu E. Zur Rekonstruktion der indogermanischen Verbalflexion // Studies in Greek and Latin linguistics to honour L. Palmer. Innsbruck, 1976.
11. Watkins C. Die Geschichte der indogermanischen Verbalflexion // Heidelberg, 1969.
12. Савченко А. Н. Происхождение среднего залога в индоевропейских языках. Ростов н/Д, 1964.
13. Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. 1. München, 1939.
14. Haudry J. L'indo-européen. P., 1979.
15. Лосев А. Ф. Языковая структура. М., 1983.
16. Erhart A. Zur Entwicklung der Verbaldiathese im Indoeuropäischen // Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské university. 1981. A 29.
17. Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Oxford, 1956.
18. Hirt H. Zur Ursprung der indogermanischen Verbalflexion // IF. 1906. Bd. 17.
19. Schmidt K. H. Zu altirischen Passiva // IF. 1963. Bd. 68.
20. Georgiev V. Die Entwicklung der indoeuropäischen Verbal Kategorien // Балканско-езиковедение. 1975. Bd. XVIII. N 3.
21. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Тбилиси, 1984.

22. *Kurylowich J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
23. *Birwé R.* Griechisch-arische Sprachbeziehungen. Walldorf, 1956.
24. *Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action. P., 1948.
25. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1922.
26. *Hirt H.* Der indogermanische Ablaut. Heidelberg, 1900.
27. *Manzák W.* Origines de l'apophonie *e/o* en indoeuropéen // *Lingua*. 1960. № 3.
28. *Красухин К. Г.* К истокам и функции индоевропейского родительного падежа // *Вестник МГУ*. Сер. 9. 1985. № 3.
29. *Адмони В. Г.* Структура простого предложения в индоевропейском // *ВЯ*. 1960. № 3.
30. *Покровский М. М.* Избранные труды по языкознанию. М., 1959.
31. *Bernert E.* Das Verbalsubstantiv und Verbaladjektiv auf *-to* im Lateinischen // *Glotta*. 1943. 30.
32. *Hirt H.* Zur Verbalflexion // *IF*. 1906. Bd. 17.
33. *Серебрянников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
34. *Krause W.* Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1953.
35. Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. М.—Л., 1964.
36. *Перельмутер И. А.* К вопросу о соотношении индоевропейского актива и медиа // *ВЯ*. 1984. № 3.
37. *Tikkanen B.* On the Sanskrit gerund // *Studia orientalia*. 1984. V. 55.
38. *Misra S. S.* Bearing of the Indo-European comparative grammar on the Aryan problem // *Этнологические проблемы истории Центральной Азии в древности*. М., 1981.
39. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. University of Texas Press, 1974.
40. *Dressler W.* Eine Textsyntaktische Regel der indogermanischen Wortstellung // *KZ*. 1969. Bd. 83.